

Формирование теории юридических фактов в контексте становления юридической науки

Анна Анатольевна Шафалович

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории права
УО «Белорусский государственный экономический университет»
Тел.: +375291064734
Email: shafalovichy@gmail.com

Данная статья выявляет заблуждения в исследовании теории юридических фактов в романистике. Использование институционального подхода в романистике привело к выводу об отсутствии элементов теории юридических фактов в римской юриспруденции. Используя историко-теоретический подход, автор пришел к выводу о наличии в Древнем Риме развитой системы юридических фактов и формирующейся на уровне концепции системы логичных и устойчивых понятий теории юридических фактов, воспринятых и развитых последующей правовой наукой.

Ключевые слова: теория юридических фактов, римская юриспруденция, романистика, историко-теоретический подход, институциональный подход.

The Formation of the Legal Facts Theory in the Context of the Development of Legal Science

This article reveals misconceptions in the study of the theory of legal facts in Roman law studies. The use of an institutional approach in Roman law studies led to the conclusion that there are no elements of the legal facts theory in Roman jurisprudence. Using a historical and theoretical approach, the author concluded that there was a developed system of legal facts in Ancient Rome and a system of logical and stable concepts of the legal facts theory formed at the level of the concept, which was accepted and developed by the subsequent legal science.

Keywords: legal facts theory, Roman jurisprudence, Roman law studies, historical and theoretical approach, institutional approach.

Данная статья призвана обобщить выявленные нами заблуждения, допущенные предыдущими исследованиями римского права в силу их приверженности исключительно институциональному (институциональному) методу. В то время как для исследования степени развитости теоретического знания мы рекомендуем историко-теоретический метод (Dvoreckaja, 2006, с. 70–74; Dvoreckaja, 2007; Shafalovich, 2008, с. 12–16). Результаты его использования в приложении к юридическим фактам римского права мы намерены продемонстрировать в данной статье.

Мы уверены, что использование узкого, институционального подхода к изучению юридических фактов в историографии римского права не способно соединить отдельно содержащиеся в римских источниках концепты, выявить и устранить ошибки, допущенные

Received: 01/12/2020. Accepted: 04/10/2021

Copyright © 2021 Hanna Shafalovich. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

романистами-«институционалистами», а значит полно и достоверно описать картину воззрений о юридических фактах в Древнем Риме.

Институциональная романистика ограничивалась однотипным анализом отдельных правовых институтов, в первую очередь – сделки: с точки зрения формы, воли и структурных элементов. За деталями сделки романисты не пытались узреть общих закономерностей и особенностей, характеризующих ее как вид правовых фактов. Скорее наоборот, сделки изучали обособленно. Этот половинчатый подход к изучению взаимосвязи «правовой факт – сделка» не приемлем для теории юридических фактов, хотя и отражен в современном законодательстве. Так, ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в отличие от определения договора, данного в ст. 420 того же кодекса, не содержит прямого определения сделки и не наделяет понятие сделки родовыми признаками: «Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей».

Предыдущие исследователи единодушно сходятся во мнении, а точнее, предубеждении, что, раз у римлян не были выработаны основные категории теории юридических фактов или их классификация, то ни теории юридических фактов, ни системы фактов у них не было. В силу этого исследование юридических фактов останавливалось на утверждении об отсутствии теории юридических фактов., впрочем, как и теории (теоретического знания) вообще. На том же основании утверждали об отсутствии теории правовых актов, например, сделок: «В римском праве никогда не было ни общего режима, ни общей теории юридической сделки» (Franciosi, 1997, p. 41). Об этом же говорили С. Ди Марцо (Di Marzo, 1950, p. 85–87) и Дж. Гроссо (Grosso, 1994, p. 112). Утверждалось, что «*prudentes*» ограничивались изучением частных юридических актов – каждого акта в отдельности, «в своей типичной конфигурации, или небольшими группами, исходя из аналогии функции сделки или ее структуры» (Burgardi, 1857, p. 369). О готовности римских юристов к формированию теоретического знания в современном понимании отмечал Б. Бьенди: «Концепт сделки присутствовал в умах римских юристов» (Biondi, 1972, p. 171). А. Гварино уточняет: «В некоторых аспектах... римская юриспруденция уже были сориентирована на общее знание о сделках» (Guarino, 1997, p. 370). Аналогична ситуация с другими правовыми актами, например, правонарушениями: «Римское право не выработало концепта правонарушения и, соответственно, не знало общей теории правонарушения, ограничиваясь знанием отдельных видов правонарушения с собственным режимом» (Burdese, 1993, p. 183).

Романисты традиционно считали, что казуистика не совместима с теоретическим знанием, и «институционный подход отрицает деление правового материала на общую и специальную части» (Voci, 1996, p. 121). Дж. Гроссо указывал, что римская юриспруденция «демонстрирует преимущественную тенденцию к конкретности, к сведению общей проблематики (даже с терминологической точки зрения) к разным фактическим составам касательно сделок, исследуемых в конкретности» (Grosso, 1994, p. 112). П. Бонфанте писал, что «римское право не любит ни больших обобщений, ни теории, ни практики и предпочитает множественность режимов, более приспособленную к разнообразию сделок» (Bonfante, 1987, p. 325).

Историография настаивает, что римская юридическая мысль «еще не осознала необходимости в выведении такой абстрактной категории, как юридические факты» (Bonfante, p. 325, 497; Tomsinov, 1995, с. 40). Для возникновения теории юридических фактов, согласно мнению В. А. Витушко, объективно не хватало условий, сопутствующих формированию науки о праве, представления о праве как социальном явлении, об универсальных правах человека (Vitushko, 2002, с. 4).

Смеем с этими положениями не согласиться. При такой постановке вопроса «теория права» является чем-то обособленным от «науки о праве». К тому же источники свидетельствуют, что

римская казуистика уживается с «обособленной теорией» (*D. 50, 16, 58 pr.; D. 50, 16, 19*). Так, Цицерон верно подмечал: «... Ни один предмет не может быть возведен на степень науки, если знаток предмета, ... не владеет общими началами, которые только и позволяют из донаучных сведений построить науку» (*Cic., De orat.*, 1, 41). Римское право впервые разработало теории владения и частной собственности, юридического правопонимания и множество концепций, применимых к различным типам актов: сроки, «condicio», «causa» и др.

В. С. Нерсесянц утверждал, что юрисконсульты, помимо отдельных отраслей права, «тщательно разработали обширный комплекс правовой проблематики в области общей теории права» (Nersesjanc, 1997, p. 430). Названия титулов первых трех книг Дигест (например, «О справедливости и праве», «О законах, сенатусконсультах и долговременном обычае», «О конституциях принцепсов», «О положении людей», «О тех, кто является (лицами) своего и чужого права», «О делении вещей и их свойствах», «О юрисдикции») свидетельствуют о наличии общей и особенной частей в этом акте систематизации права: они посвящены целям, источникам и системе права, правовому статусу его субъектов.

К слову, институционная (институциональная) система для ныне действующего права вовсе не является чужеродной или устаревшей, как некоторые полагают. Так, Е. А. Суханов и Л. Л. Кофанов считают, что построение действующего ГК РФ в определенной мере соответствует римской схеме (Suhanov, Kofanov, 1999, с. 10). По мнению В. П. Павлова, преимущество институциональной системы состоит в ее способности преодолеть «системный кризис», в котором, как ему кажется, оказалась российская цивилистика конца XX в. именно в силу следования пандектной системе, «с ее неразвитыми системообразующими элементами и удобным лишь в правоприменительной практике кодификационным приемом компактного изложения нормативного материала» (Pavlov, 2002, с. 209).

Утверждалось, что создание теории юридических фактов в римском праве, в первую очередь, возможно применительно к институту сроков и их эффектов, затем – для юридических актов, правомерных и неправомерных (Scapini, 1992, p. 123), и только потом – теорию юридических фактов вообще. Естественно, что институционный подход не обладал свойством обобщенного системного знания, как основной характеристики любой теории. Для решения проблемы юридических фактов в римском праве необходимо комплексное, историко-теоретическое, сравнительно-правовое исследование, которое в пределах институционной науки римского права невозможно. Наибольшим вкладом романистики в изучение указанной теории явилось исследование римских терминов.

Устоялось мнение, выраженное Ф. Пастори, будто римские категории, в отличие от современных, значительно более «расплывчаты, неопределенны и с трудом поддаются систематизации» (Pastori, 1988, p. 493). Между тем, римские юристы «положили начало систематической разработке права и окончательно установили многие основные понятия, составляющие донныне фундамент системы права» (*Istorija politicheskikh uchenij...*, 1960, p. 95), в то время как, по мнению В. М. Хвостова, «юриспруденция настоящего периода еще не берет на себя задачи приведения права в научную систему» (Hvostov, 1908, с. 78–79).

Д. В. Дождев несколько смягчает категоричность утверждения об отсутствии категориального аппарата теории юридических фактов: «Римское юридическое наследие сохранило следы попыток общей систематизации юридических сделок, однако они так и не привели к разработке сколь-нибудь устойчивой схемы» (Dozhdev, 2000, с. 132). Такое утверждение верно в первой части: например, Лабенон (*D. 50, 16, 19*) дает свое деление контрактов, которое сейчас воспринимают как «классификацию сделок» (*Antologija mirovoj pravovoj mysli...*, 1999, с. 306). Вообще контракты в римском праве хорошо классифицированы. Вторая часть утверждения Д. В. Дождева приемлема

с тем уточнением, что формирование теории предполагает не только статичный результат, но и динамику развертывания идей.

Считалось также, что многие латинские термины «не технические» (например, «contractus» или «contrahere», согласно мнению Д. Диошди (Sovremennye issledovanija rimskogo prava..., 1987, с. 134)), а потому не значимые для теории юридических фактов. А. Д. Малков вообще считает, что римские юристы раскрывали не сущность договора, а «содержание используемых терминов» (Malkov, 1999, с. 194), с чем нельзя согласиться – наоборот, юристы через термин выявляли суть явления (*Cic., Top., 5, 28*) (Antologija mirovoj pravovoj mysli..., 1999, с. 219–380).

Б. Бьенди в своей статье «Римская терминология как первая юридическая догматика» писал: «Определенно, первая и основная юридическая догматика заключена в термине» (Biondi, 1965, р. 184). В римской юриспруденции категории («юридические факты», «сделка») как наиболее важные системообразующие элементы в построении теории юридических фактов еще отсутствуют. Однако имеются второстепенные для построения такой теории составные элементы. Это – понятия «factum», «actum», «gesta», «negotio», «conventio» и «pacta» и другие, по своему содержанию во многом соответствующие категориям современной теории юридических фактов. Это – достаточно обобщенные понятия, но всегда однородные, транспарентные, т.е. достоверно передающие в бытовой лексике правовое содержание, что свидетельствует о целевом предназначении термина — его массовом использовании, чему стоит поучиться современным юристам, чей документальный язык скорее напоминает сакральное знание посвященных жрецов. Римское правопонимание обусловило принципиально иной подход к формированию понятий: понятия равно отражали казуистику и более абстрактное обобщенное теоретическое знание, полностью соответствуя требованиям, предъявляемым римской правовой практикой к терминам, в чем положительный пример для современной правовой науки и практики.

Что касается категории сделки, то даже в отсутствие единого термина, обозначающего ее, сделка и частная автономия существуют в любом обществе. Поэтому, естественно, концепт сделки имел место и в римском праве. Учитывая строение теории из понятий и категорий, римская теория сделки могла бы заключаться в «архивированном» виде в терминах, определяющих сделку. Отсутствие единого термина, обозначающего сделку, в римском праве компенсируется несколькими терминами, отрывающими ее различные аспекты. Так, «negotio» раскрывает хозяйственную полезность сделки, «gestum» – фактическое действие, «contractum» – соглашение. Кроме того, римскими юристами были разработаны принципы сделки как часть ее теории (*D. 2, 14, 1, 3; D. 50, 17, 45*).¹

Романистика в лице Ф. Пастори утверждала об отсутствии упорядоченности в понятиях, относимых к этой теории, и в самих правовых фактах: «В римском праве нет упорядоченности в регламентации юридических фактов, надо сказать, как и в современном праве, – это дело современной теории» (Pastori, 1988, р. 494). М. Таламанка утверждал, что «римские юристы, насколько известно, никогда не поднимали вопроса о систематизации общих терминов ни по поводу феномена частного юридического акта (сделки), ни, тем более, по поводу юридических фактов» (Talamanca, 1990, р. 185).

Ошибочно распространенное мнение о расплывчатости, неопределенности и неподдатливости к систематизации (Pastori, 1988, р. 493) римских понятий – скорее наоборот. Ведь даже современная теория юридических фактов не может похвастаться однозначностью в понимании

¹ К слову, принципы всегда связаны с высокоабстрактным и обобщенным знанием. Их регулятивный потенциал до сих пор остается недооцененным. Полагаем, что принципы права способны стать одним из основных источников права будущего в силу их перспективного действия, доступности для массового использования, отсутствия детализации, ведущей к коллизиям, пробелам и постоянному устарению правовых норм.

важнейших категорий и понятий, например, таких как юриспруденция (Alekseev, 1973, с. 303; Boshno, 2003, с. 73), и для современной цивилистики, по мнению И. В. Москаленко, характерна «недостаточность развитости понятийного содержания» (Moskalenko, 2004, с. 67).

Представление о неопределенности римских понятий теории юридических фактов и отсутствии системности может возникнуть только, если брать за критерий оценки современную систему понятий теории юридических фактов. Но у римлян – своя система понятий. Эта система чувствуется даже за отрывочными, косвенными упоминаниями о юридических фактах в дошедших до нас источниках, которые «высвечивают» аспекты, характерные развитому научному знанию. О наличии системы римских понятий также говорит то, что они не дублируются и содержат в себе четко определенный концептуальный замысел, определяющий их место среди иных терминов. Римляне создали «механизм очень точных и четко разграничивающих системообразующих понятий, востребованных и современной правовой наукой и практикой» (Savin'i, 2004, с. 12–13). Поэтому можно сделать вывод, что римские юристы выработали основы того, что сегодня называется теорией юридических фактов.

В силу вышеизложенного недостоверным является утверждение В. А. Витушко об «отсутствии понимания системы и взаимосвязи юридических фактов» в Древнем Риме (Vitushko, 2002, с. 10). Другими словами, римское право представляется не просто казуистичным, а хаотичным. Это не верно, поскольку всегда общественные отношения объективируются через право системно. Более того, сложно представить, что «prudentes» не отдавали себе отчета об общности (в силу природы), например, всех распорядительных частных актов.

Римское право имело четкую систему фактов. В первую очередь, это – классификация исков, сделок и деликтов, в основании которых лежала «causa», в основании которой, в свою очередь, лежал значимый для права факт. Поэтому знание о юридических фактах у римлян погранично с «causa». Последние исследования законов XII таблиц, по мнению Л. Л. Кофанова, вопреки устоявшемуся мнению также выявили их системный характер (Kofanov, 2001, с. 306). Поэтому незря Цицерон восхищался системностью римского права (*Cic., De orat., 1, 44*).

Осознание римлянами системы и взаимосвязи юридических фактов, нашедшее свое выражение в наличии фактических систем правовых режимов, институтов, в системе сделок, деликтов и исков являлось предпосылкой для последующей систематизации терминов и формирования системы понятий теории юридических фактов. Осознание потребности в систематизации ведет к использованию римлянами более обобщенных терминов. Уже в классическую эпоху заметны попытки систематизации терминов теории юридических фактов. Концептуальное упорядочивание правовых актов и сделок римлянами выступает прообразом классификации юридических фактов.

Основная работа шла по формированию категории правовых актов, как системообразующей для теории юридического факта в римской юриспруденции. По ходу упорядочивания видов правовых актов осознавались признаки юридических фактов, что неизбежно способствовало уточнению пределов правового поля римского права и формированию самой категории юридических фактов, как одного из системообразующих признаков права как системы. Полагаем, критерием, по которому фактическая система «подбирает» под себя подходящие факты, выступают признаки юридического факта и само правопонимание.

Стремление упорядочить понятия теории юридических фактов предполагает осознание потребности в системе таких понятий. И если вообще допустимо говорить о том, что это «не привело к выработке их устойчивой системы», о чём утверждал Д. В. Дождев (Dozhdev, 2000, с. 132), то только с тем уточнением, что этимологическое значение терминов неизбежно изменяется

во времени. Следует помнить также о почти тринадцати веках развития римской правовой системы, и что в сравнении с ней современные понятия вообще крайне неустойчивы и мимолетны.

Упорядочивание видов правовых актов являлось важным шагом на пути еще большего осознания закономерных взаимозависимостей между систематизируемыми понятиями, в чем и заключается сущность теории юридических фактов. Это, в свою очередь, неотъемлемо для упорядочения явлений и понятий, их определяющих. То есть, начиная уже с этапа становления теории юридических фактов в Древнем Риме, очевидна тенденция к их обобщению и систематизации, вначале интуитивная, а позже все более осознанная.

Создание классификации, конечно, – важный момент в становлении любой теории, но отсутствие созданной римскими юристами классификации юридических фактов – не доказательство устоявшегося в правовой науке мнения о полном отсутствии теоретического знания о юридических фактах в Древнем Риме. При казуистике построение даже очень логичной, но отвлеченной системы понятий юридических фактов было затруднительно. Для этого было необходимо сменить системное видение права, что и сделала пандектистика, выделяющая в структуре нормативных правовых актов общую и особенную части. Однако современную классификацию юридических фактов легко заполнить примерами юридических фактов из римского права. То есть, классификация юридических фактов в Древнем Риме начинает проявляться понятийно. Отметим преемственность в понимании видового деления юридических фактов у римлян и у нас, которая, в свою очередь, подтверждает научность выработанных в Древнем Риме элементов теории юридических фактов.

Фактическая система римского права по сравнению с современными национальными фактическими системами не большая, но с развитыми системными связями, поэтому весь мир до сих пор не устает восхищаться ее красотой и эффективностью.

Таким образом, ошибочным является утверждение об отсутствии в римской юриспруденции системы понятий теории юридических фактов только на том основании, что она отлична от современной. Отсутствие у древних римлян развитой обособленной теории юридических фактов, как мы ее видим сейчас, не препятствует воссозданию их собственной теоретической модели. Нынешние гражданские кодексы – тому подтверждение: их общие части, за исключением, насколько нам известно, Гражданского кодекса Украины, не содержат каких-либо упоминаний о юридических фактах. Во все времена элементы этой теории можно найти в таком особом источнике права как правовая доктрина. Среди существующего множества видов конкретных сделок, времени, видов правонарушений, событий общее представление о правовых фактах в современных источниках права присутствует косвенно, латентно. Поэтому нет оснований отрицать наличие элементов в римской юриспруденции для построения их теории.

Знание о юридических фактах у римлян развивалось на уровне концептуального осмысления. Это уже не казуистический хаос (есть абстрактные понятия), но еще нет системообразующих теорию юридических фактов категорий, хотя римляне были близки к их выведению. Это подтверждает тот факт, что Ф. Савиньи, изучая римские первоисточники, легко вывел понятие юридических фактов (Savin'i, 2004, с. 12–13).

Таким образом, развитие теории юридических фактов шло в русле становления самой правовой науки (доктрины), практическая направленность которой и особая требовательность к теоретическим положениям повышают ценность выработанных ею элементов теории юридических фактов. Различая понятия «система юридических фактов» и «система понятий теории юридических фактов», автор пришел к выводу о наличии в Древнем Риме развитой системы юридических фактов и формирующейся на уровне концепции системы логичных

и устойчивых понятий теории юридических фактов, воспринятых и развитых последующей правовой наукой.

Использованные источники и литература

Нормативные акты

- Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (2019). Ch. 1 ot 30 nojabrja 1994 g. № 51-ФЗ. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, 29.
- Grazhdanskij kodeks Ukrainy (2003) [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://meget.kiev.ua/kodeks/grazhdanskiy-kodeks/glava-2/>.

Научная литература

- Biondi, B. (1972). *Fatti giuridici. Istituzioni di diritto romano*. Milano: A. Giuffrè editore, 6.
- Biondi, B. (1965). *La terminologia romana come prima dommatica giuridica. Scritti giuridici*. Milano: A. Giuffrè editore, 1965, t. 1, 121–215.
- Bonfante, P. (1987). *Istituzioni di diritto romano*. Milano: A. Giuffrè editore.
- Burcardi, G. C. (1857). *Il sistema e la storia del diritto romano private*. Napoli: Stamperia del Vaglio, t. 1.
- Burdese, A. (1993). *Fatti giuridici. Manuale di diritto privato romano*. Torino: UTET, t. 5.
- Di Marzo, S. (1950). *Le basi romanistiche del codice civile*. Torino: Unione Tipografico-editrice torinese.
- Franciosi, G. (1997). *Nozioni di riferimento. Corso istituzionale di diritto romano*. Torino: G. Giappichelli editore.
- Grosso, G. (1994). *Problemi generali del diritto attraverso il diritto romano*. Torino: Giappichelli editore.
- Guarino, A. (1997). *Diritto privato romano*. Napoli: Editore Jovene.
- Pastori, F. (1988). *Gli istituti romanistici come storia e vita del diritto*. Milano: Cisalpino – Goliardica.
- Scapini, N. (1992). *Istituzioni di diritto romano: fatti e atti giuridici, tutela giuridizionale dei diritti*. Parma: Casanova edizioni universitarie.
- Talamanca, M. (1990). *Istituzioni di diritto romano*. Milano: Dott. A. Giuffrè editore.
- Voci, P. (1996). *Atti giuridici. Istituzioni di diritto romano*. Milano: A. Giuffrè editore.
- Alekseev, S. S. (1973). *Problemy teorii prava: kurs lekcij: v 2 t. Sverdlovsk: Ural'skij rabochij, t. 2: Normativnye pravovye akty, primenenie prava, juridicheskaja nauka (pravovedenie)*.
- Antologija mirovoj pravovoj mysli* (1999): v 5 t. Moskva: Mysl', t. 1: Antichnyj mir i Vostochnye civilizacii.
- Boshno, S. V. (2003). Doktrina kak forma i istochnik prava. *Zhurnal rossijskogo prava*, 12, 70–79.
- Vitushko, V. A. (2018). O roli doktriny v opredelenii ponjatija juridicheskikh faktov i ih pravoprimenenii. *Pravo v sovremenom mire: sostojanie i vektor razvitiya: materialy VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Ekaterinburg, 7 dekabrja 2017 g. / Ural'skij institut upravlenija – filial RANHiGS pri Prezidente Rossijskoj Federacii. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UIU (f) RANHiGS, 163–166.
- Vitushko, V. A. (2002). Kontinual'naja teorija juridicheskikh faktov. Problemy pravovogo regulirovanija hozjajstvennoj dejatel'nosti jekonomiki perehodnogo perioda: materialy nauch.-prakt. konf., Minsk, 18 dek. 2001 g. Minsk, 3–9.
- Vitushko, V. A. (2002). *Kurs grazhdanskogo prava. Obshhaja chast'*: nauch.-praktich. posobie: v 5 t. Minsk: BGJeU, t. 2.
- Dvoreckaja, A. A. (2007). Problemy metodologii istoriko-pravovogo issledovanija teoreticheskikh voprosov v rimskom prave. *Vysshaja shkola: problemy i perspektivy*: Materialy 8-j mezhdunar. nauch.-metod. konf. Minsk: Respublikanskij institut vysshej shkoly, ch. 2, 61–62.
- Dvoreckaja, A. A. (2006). Vopros nalichija teorii v rimskom prave v prelomlenii k teorii juridicheskikh faktov. *Juridicheskij zhurnal*, 4, 70–74.
- Dozhdev, D. V. (2000). *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik*. Moskva: NORMA-Infra-M.
- Istorija politicheskikh uchenij* (1960): uchebnik / pod red. S. F. Keček'jana i G. I. Fed'kina. Moskva: Juridicheskaja literatura.
- Kofanov, L. L. (2001). Formirovanie sistemy rimskogo prava. *Zhrechieskie kollegii v Rannem Rime. K voprosu o stanovlenii rimskogo sakral'nogo i publicnogo prava*. Moskva: Nauka.
- Malkov, A. D. (1999). Sushhnost' dogovora v rimskom prave. *Ius antiquum. Drevnee pravo*, 1, 180–187.
- Moskalenko, I. V. (2004). Rol' juridicheskoi nauki v formirovanii i razvitii grazhdansko-pravovykh ponjatij: istorija i sovremennost'. *Sovremennoe pravo*, 63–67.
- Nersesjanc, V. S. (1997). *Filosofija prava: uchebnik dlja vuzov*. Moskva: INFRA-M-Norma.
- Pavlov, V. P. (2002). *Problemy teorii sobstvennosti v rossijskom prave: dis. ... d-ra. jurid. nauk: 12.00.01*. Moskva.
- Savin'i, F. K. (2004). Objazatel'stvennoe pravo. SPb: Jurid. centr Press.
- Sovremennye issledovanija rimskogo prava* (1987): ref. sb. Moskva: Spartak.
- Suhanov, E. A., Kofanov, L. L. (1999). Vlijanie rimskogo prava na novyj Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. *Ius antiquum. Drevnee pravo*, 1, 7–21.

Tomsinov, V. A. (1995). Jurisprudencija v duhovnoj kul'ture Drevnego Rima (klassičeskij period). *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 11, Pravo, 2, 35–45.

Hvostov, V. M. (1908). *Istorija rimskogo prava*: posobie k lekcijam. Moskva: Tip. I. D. Sytina.

Šafalovič, A. A. (2008). Novyj vzgljad na teoriju juridičeskikh faktov v rimskoj jurisprudencii. *Juridičeskij žurnal*, 3, 12–16.

The Formation of the Legal Facts Theory in the Context of the Development of Legal Science

Hanna Šafalovič

(Belarus State Economic University)

S u m m a r y

Roman law studies, because of its commitment to the institutional method, claims that Roman jurisprudence does not have a system of concepts of the legal facts theory only on the grounds that it is different from the modern legal facts theory, and that the sources of Roman law do not contain elements of classification of modern legal facts. However, elements of this theory can be found in such a special source of law as the legal doctrine. The general idea of legal facts is in indirectly and latently present in the sources of law, among the existing set of types of specific transactions, time, types of offenses, and events. Therefore, there is no reason to deny the existence of these elements in Roman jurisprudence needed for constructing their own theory. A historical-theoretical approach allows us to establish that the knowledge of legal facts had developed at the level of conceptual understanding among the Romans. This is no longer a casuistic chaos (there are abstract concepts), but there are still no categories that form the legal facts theory, although the Romans were close to deducing them. Thus, the development of the theory of legal facts was developing in the direction of becoming legal science (doctrine), the practical orientation and especially demanding theoretical positions of which add value to the elements of the legal facts theory. By distinguishing between the concepts of a “system of legal facts” and a “system of concepts of the legal facts theory,” we come to the conclusion that in Ancient Rome there was a developed system of legal facts and a system of logical and stable concepts of the theory of legal facts, which was perceived and developed by subsequent legal science.

Формирование теории юридических фактов в контексте становления юридической науки

Анна Анатольевна Шафалович

(Белорусский государственный экономический университет)

Р е з ю м е

Романистика в силу приверженности институционному методу утверждает отсутствию в римской юриспруденции системы понятий теории юридических фактов только на том основании, что она отлична от современной, и что источники римского права не содержат элементов современной классификации юридических фактов. Однако элементы этой теории можно найти в таком особом источнике права как правовая доктрина. Среди существующего множества видов конкретных сделок, времени, видов правонарушений, событий общее представление о правовых фактах в источниках права присутствует косвенно, латентно. Поэтому нет оснований отрицать наличие элементов в римской юриспруденции для построения их теории. Историко-теоретический подход позволяет установить, что знание о юридических фактах у римлян развивалось на уровне концептуального осмысления. Это уже не казуистический хаос (есть абстрактные понятия), но еще нет системообразующих теорию юридических фактов категорий, хотя римляне были близки к их выведению. Таким образом, развитие теории юридических фактов шло в русле становления самой правовой науки (доктрины), практическая направленность которой и особая требовательность к теоретическим положениям повышают ценность выработанных ею элементов теории юридических фактов. Различая понятия «система юридических фактов» и «система понятий теории юридических фактов», мы приходим к выводу о наличии в Древнем Риме развитой системы юридических фактов и формирующейся на уровне концепции системы логичных и устойчивых понятий теории юридических фактов, воспринятых и развитых последующей правовой наукой.

Ana Šafalovič, teisės mokslų kandidatė (2007), docentė (2009). Mokslinių interesų sritys: teisinių faktų teorija, teisės teorija, teisės sociologija, žmogaus teisės, konstitucinė teisė.

Hanna Šafalovič, candidate of sciences (Law) (2007), associate professor (2009). Research interests: theory of legal facts, theory of law, sociology of law, human rights, constitutional law.